

Александр Воробьев

Рец. на: Альтернативы, переломные пункты и смены режима в истории России. Материалы первой международной научной конференции молодых русистов будапештского Центра русистики / Ред. Д. Свак. Будапешт: Руссика Панноникана, 2015. 588 с.

Aleksandr Vorobiev

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

Rec. ad op.: Al'ternativy, perelomnye punkty i smeny rezhima v istorii Rossii. Materialy pervoi mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii molodykh rusistov budapeshtskogo Tsentra rusistiki. Budapest, 2015

В 2015 г. увидел свет сборник статей «Альтернативы, переломные пункты и смены режима в истории России», составленный по материалам научной конференции, проходившей 19–20 мая 2014 г. в Будапеште. Его выход совпал с 20-летним юбилеем известного Центра русистики Будапештского университета им. Лоранда Этвеша и с 25-летним юбилеем его предшественника – Венгерского института русистики. На этот раз на традиционной ежегодной конференции получили приглашение выступить молодые русисты из десяти стран (Россия, Венгрия, Польша, Великобритания, Франция, Италия и др.). Среди более чем 50 опубликованных в сборнике докладов читатель обязательно найдёт для себя что-то интересное.

Тематика представленных материалов широка – от Древней Руси до России начала XXI в. Статьи, изданные по материалам выступлений, сгруппированы в пять тематически-хронологических разделов. Первый, посвящённый истории России до XVIII в., открывает статья Т. Педери о военном ремесле в Средневековой Руси, прежде всего в Новгороде. Автор, начиная с общих замечаний о вооружённых конфликтах Новгорода с другими землями, постепенно переходит к рассмотрению организации и логистики, а затем вооружения и тактики новгородских воинов. Он приходит к мнению о том, что отряды этой древнерусской республики, немногочисленные, но хорошо

экипированные, представляли собой переходную форму между русскими и западноевропейскими боевыми порядками. Стратегия, боевая тактика новгородцев были оборонительными, и оборонительная система Новгорода являлась более продвинутой, чем в других русских землях. В то же время подобная концепция, позволявшая успешно отражать внешние атаки, сделала невозможной территориальную экспансию и в конечном счёте стала главной причиной упадка республики.

А.А. Калашникова оспаривает традиционное мнение о том, что строительство русского централизованного государства в монопольном порядке насаждалось «сверху» великими князьями. Исследовательница полагает, что без запроса на новую административную систему «снизу», со стороны населения, ни один правитель не справился бы с этой миссией. Подкрепляя свои размышления анализом становления судебной системы в области земельных споров, Калашникова делает вывод о том, что инициатива участников земельных конфликтов стимулировала деятельность властей, которые признавали значимость каждого участника судебного разбирательства.

Д.А. Бессуднов решает в своей статье вопрос о том, как вели себя власти Ливонии в течение первой кампании Ливонской войны. По его мнению, в отечественной историографии сложилось не вполне точное

представление о пассивности ливонских государей, не веривших даже в возможность войны с Россией, а потому не подготовившихся к обороне. На основании изучения хранящейся в одном из немецких архивов и малоизвестной в российской науке переписки прусского герцога и его брата — рижского архиепископа — автор утверждает, что власти Ливонии не смогли объединиться, чтобы дать совместный отпор войскам Ивана IV.

Важное место среди опубликованных докладов конференции занимает тема Смуты, активно изучаемая молодыми исследователями. А.А. Клейтман размышляет над тем, как события начала XVII в. отразились в исторической памяти жителей разных регионов Нижнего Поволжья. Они видели в Смуте персонифицированную борьбу добра и зла, где положительную оценку получили Василий Шуйский, епископ Феодосий, астраханский воевода Голицын, а отрицательную — самозванец Григорий Отрепьев, Марина Мнишек, Иван Заруцкий. Представляется важным, что Клейтман, отмечая полумифический характер местных преданий о Смуте, указывает и на факты, нашедшие более точное отражение в народной памяти.

Исследованию позднего периода Смуты в Новгороде посвятили доклады студенты Липецкого государственного педагогического университета Р.В. Болдырев и Е.М. Кончакова. По мнению Болдырева, опирающегося на документы новгородского оккупационного архива, хранящегося в Швеции, Якоб Деллагарди, назначенный наместником шведского короля, лавировал между необходимостью введения налога для обеспечения королевского войска и сохранением добрых отношений с населением Новгородской земли, недовольным поборами. В качестве выхода из такого положения Деллагарди решил ввести чрезвычайные налоги. Как показала Кончакова, администрация Новгорода была традиционной — большая часть должностных лиц были русскими. Исследовательница считает такое положение дел «несколько противоречащим термину “оккупация”».

В XVII в. завершилось вхождение в состав России Западной Сибири. Одним из следствий её освоения стало формирование местной элиты, состоявшей из дворян

и детей боярских. Менталитету и самоидентификации последних посвящена статья Е.В. Шмельёвой. Служба, которую несли «сибирские аристократы», не считалась престижной в центральных регионах России, что во многом стимулировало их к поиску способов идентификации, дававших возможность отстоять полученные от государства привилегии. Таким механизмом стала личная выслуга. Конечно, на практике служебное рвение, красочно описываемое в челобитных, не полностью соответствовало реальности, имели место случаи злоупотребления полученной властью, но это не отменяет главного: сибирские дети боярские остро чувствовали и защищали корпоративные интересы.

Не обойдена в сборнике и тема Петровских реформ. Анализ судебной реформы (1717–1727 гг.) проведён Е.В. Бородиной, показавшей трудности, встречающиеся при проведении судебных преобразований. М.А. Киселёв охарактеризовал форму и содержание политического кризиса — междуцарствия 1730 г., когда, по замечанию автора, был едва ли не впервые поставлен вопрос о ликвидации самодержавия.

Вопрос о том, какая форма правления наиболее приемлема для России, волновал российских интеллектуалов XVIII в., для его осмысления прибегавших к трудам античных и современных им европейских философов. Свои соображения по данной теме представил С.В. Соколов, сделавший особый акцент на изучении работ историков XVIII в. М.В. Ломоносов, В.Н. Татищев и М.М. Щербатов установили связь между возвышением государства и усилением самодержавия. Такой вывод имел и обратную силу: не только исторические факты влияли на оценку форм правления, но и вывод о предпочтительности монархии для России предопределял интерпретацию прошлого.

А.А. Богданов излагает свои соображения о возможных источниках для исследования истории монетного дела в России. Ещё требуют введения в научный оборот делопроизводственные материалы, заполняющие зазор между денежным обращением на местах и нормами законодательства. Можно надеяться, что поиск делопроизводственной документации, связанной с монетным делом, будет плодотворным.

Культурная сторона реформ Петра I, последствия вестернизации в личной жизни женщин-дворянок стали предметом исследования О. Санисло, выполненного на основе мемуаров кн. Е.Р. Дашковой и А.Е. Лопухиной. Их жизненные пути существенно различались, что делает представленную работу весьма репрезентативной. Автор приходит к выводу о том, что реформы XVIII в. принесли серьёзные перемены в повседневную жизнь привилегированного сословия, недовольного преобразованиями, а изменение образа мыслей дворянства потребовало гораздо больше времени, чем предполагал Пётр I.

Завершает первый раздел сборника статья Т.С. Романюк о роли старообрядческих скитов в религиозной жизни уральских казаков в XVIII – первой половине XIX в. Общины старообрядцев на Урале были тесно связаны со своими единоверцами на Дону, в Сибири и на других территориях; при этом правительство оставило попытки ликвидации скитов в середине XVIII в. и не возвращалось к ним вплоть до конца 1850-х гг. Власти стремились избегать конфликтных ситуаций, опасаясь волнений в среде уральского казачества. Всё это, по мнению автора, говорит о сильных позициях староверия в данном регионе.

Раздел, посвящённый истории России XIX – начала XX в., открывается статьями, в центре которых тема англо-русских связей в первой четверти XIX в. М.А. Смирнова анализирует отношение русских купцов к торговле с Англией во время Наполеоновских войн. Изучая мемуары купцов, автор не только констатирует вред, нанесённый российской экономике континентальной блокадой Великобритании, но и указывает на то, что Отечественная война 1812 года дала экономике толчок, благодаря которому многие торговцы сделали состояние. К. Шрек обращается к контактам дипломатических ведомств Петербурга и Лондона во время Восточного кризиса 1825–1826 гг., связанного с войной за независимость Греции. В переговорах между двумя державами особую роль играл русский посол в Лондоне граф Х.А. Ливен, непосредственно участвовавший в составлении договора о сотрудничестве 1826 г. Во многом благодаря дипломатическому таланту Ливе-

на удалось достичь успеха в переговорах о его заключении.

С. Шухайда рассмотрел образ России в Венгрии после подавления польского восстания в 1830–1831 гг. До выступления поляков, боровшихся за независимость, венгры мало что знали о России и считали её экзотической страной. Появление политических эмигрантов из Царства Польского способствовало усилению предрассудков и страхов венгерского дворянства в отношении России, которые использовались венгерскими политиками для достижения своих внутривнутриполитических целей.

Проблемы социального взаимодействия и адаптации европейцев в российской провинции (на примере Урала) освещает О.К. Ермакова. Исследовательница отмечает, что, несмотря на закрытость диаспор выходцев из Западной Европы, рассматривавших пребывание в России как средство получения денег или статуса, они не могли сохранить свою изоляцию, поскольку контактировали с русскими по роду профессиональной деятельности.

Интересный взгляд на успехи русской дипломатии середины XIX в. предлагает К. Варади. Она анализирует материалы прусского («Kladderadatsch») и венгерского («Üstökös») сатирических журналов и показывает, что либеральные взгляды их редакций легко объясняют негативные высказывания о России. Однако они всячески избегали искажения реальности, лишь обращая внимание на явные ошибки, ставшие достоянием публики. Статья Варади иллюстрирована карикатурами, которые служат прекрасным дополнением к представленному исследованию.

Ж. Месарош рассматривает нигилизм как философское явление, бытовавшее в России и Германии. Признавая русский нигилизм важной частью европейской культуры и истории мысли, она изучает его отличия от немецкого. В частности, в России нигилизм был вовлечён в решение социальных и политических проблем в большей степени, чем в Германии, хотя немецкие нигилисты прямым образом влияли на идеологию русских единомышленников. Размышляя об истоках формирования политического терроризма в России, С. Надь обращается к процессу Веры Засулич. Анализируя свиде-

тельства современников, она приходит к выводу, что именно оправдание Засулич дало толчок моральному обоснованию террора. На рубеже XIX–XX вв. особую важность приобрели размышления о ходе истории, векторе развития общества. Представления об этом в работах С.Н. Булгакова изучила А. Меджибродская. Идея прогресса в России в понимании Булгакова и других религиозных философов была тесно связана с проблемами национальной идентичности и поиска смысла истории.

Взаимоотношениям власти и общества в лице корпораций учёных-гуманитариев посвящена статья В.В. Тихонова. Определяя два основных историографических мнения по этому вопросу (профессура боролась с властью или находилась с ней в отношениях симбиоза), автор выявляет сущность взаимодействия учёных и власти, прибегая к сравнению с близкой к России того времени немецкой академической средой. Несмотря на множество сходств с ней, главным отличием, подрывавшим партнёрство с властями, было отсутствие социального контракта, по которому государство гарантировало университетские свободы. Таким образом, по мнению Тихонова, русские учёные, хотя и были в целом лояльны к власти, всё же проявляли оппозиционность, когда речь заходила об их правах.

О дипломатической предыстории Первой мировой войны пишет К.К. Ионицэ, отмечая, что империя Романовых имела большое влияние в европейских делах, но при этом правительство России и прежде всего министр иностранных дел Сазонов не были уверены в том, какой именно должна быть политика на Балканах. Нерешительность кабинета министров усугублялась индифферентностью русского общества.

Следующий раздел сборника посвящён истории СССР; открывает его статья Р.Р. Гильминтинова о начальном этапе советской историографии большевистской партии. Проанализировав содержание журнала «Красная летопись», автор установил, что большевики пытались наладить взаимодействие с интеллектуалами. В докладе Ю.С. Пыльцына о современной историографии участия терского казачества в Гражданской войне отмечаются перемены во взглядах исследователей, переход от

классового подхода к изучению межэтнических противоречий, что открывает большие перспективы перед учёными.

Свои мысли об идеях Н.И. Бухарина как возможной альтернативе сталинскому режиму высказал Д. Кадьоли. Исследователь подчёркивает, что для Бухарина были характерны непоследовательность и непостоянство, поэтому его большевистские теории в перспективе могли сильно измениться.

Несколько статей посвящены гендерной истории XX в. А.В. Кочнева и Е.И. Рабинович изучили положение женщин в период первых пятилеток на Урале. Постепенная эмансипация женщины в годы советской власти привела к установлению фактического равенства между полами к началу 1930-х гг. За этим триумфом гендерной революции, по мнению авторов, стоит парадокс, состоявший в принуждении правительством женщин к каторжному труду в промышленности и на стройках первой пятилетки. Венгерская исследовательница Э. Йони анализирует положение женщины в контексте действия Семейного кодекса, принятого в СССР в 1944 г. В связи с тяготами войны женщины были вынуждены взять на себя мужские роли не только в сельском хозяйстве и промышленности, но и на полях боя и в партизанском движении. И всё же к концу войны руководство страны встало на путь укрепления институтов традиционной семьи, материнства и детства: упразднили совместное обучение мальчиков и девочек в школах, ввели налог для тех, у кого было менее трёх детей, и т. д.

О роли Урала после Великой Отечественной войны пишет М.В. Михеев. В позднесталинском СССР была предпринята попытка сделать из региона плацдарм для освоения природных ресурсов Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. В центре внимания автора, анализирующего проблему в контексте геополитики, внешней политики и экономики того времени, находятся причины, по которым этот план оказался невыполнимым. Вероятно, важнейшей из них являлась позиция правительства, не продумывавшего практическую реализацию своих распоряжений.

Завершает раздел статья В.Н. Круглова, где представлен обзор реформ территориальной структуры с 1910-х по начало 2000-х гг.

Советский период – время активных поисков новой формы административно-территориального устройства страны. Они носили во многом интуитивный характер, поскольку оперативные задачи для правительства были важнее, чем стратегическое планирование. Несмотря на многочисленные преобразования, найти сбалансированную систему не удалось и, по мнению автора, территориальные проблемы стали одной из причин распада СССР.

О важнейших проблемах на территории бывшего СССР размышляют авторы раздела, посвящённого постсоветской истории. Вопрос об эффективности частичных реформ и последовавшем за ними изменении политического режима рассматривает Р. Эверетт и приходит к выводу о том, что в России не удалось создать новой политической системы. Продолжает тему статья В.В. Шишкова об адаптации имперского наследия в современной России. Противоречия постсоветской истории получили отражение в деятельности средств массовой информации, изучению которых посвящены статьи Е.В. Бондарика и О.В. Мороза. Существует ли в современной России цензура СМИ? Бондарик приходит к выводу о том, что с правовой точки зрения решить эту дилемму невозможно, поскольку существуют неформальные практики взаимодействия со СМИ, в том числе неформальная цензура. И всё же политический контекст, по мнению исследователя, предполагает, что со временем СМИ смогут более эффективно реализовывать принципы свободы слова и существования различных мнений. В отличие от Бондарика Мороз анализирует присущие СМИ коммуникативные практики, для которых характерен так называемый язык вражды (агрессивный стиль подачи информации). Существование этого феномена во многом объясняется необходимостью консолидации общества на основе его разделения на своих и чужих.

В сборнике также уделяется внимание экономике современной России. Д.О. Гафаровски, анализируя её участие в Таможенном союзе и Едином экономическом пространстве, констатирует, что создание этих институтов не оказало существенного влияния на российскую торговлю.

Несколько статей посвящено современной историографии. А.А. Лихацкий, обращаясь к «казусу» исторического альманаха «Одиссей», выясняет, каким образом он стал инструментом рецепции западных идей в гуманитарных науках. Автор характеризует её модель, существовавшую в альманахе, как замещающую, когда на начальном этапе существования «Одиссея» существовала оригинальная теоретическая рефлексия, а влияние западной науки было частичным. К началу 2000-х гг. заимствование зарубежных идей заметно усилилось. Е.Н. Смирнов исследует механизмы формирования исторической памяти в современной России, одним из которых, по его мнению, является создание единого учебника истории, вызвавшего немало дебатов. Автор со скепсисом относится к этому проекту, полагая, что такой учебник не только будет навязывать определённые мнения учащимся, но и станет средством «идеологической оценки деятельности педагогов». История гетманской Украины при Петре I освещена Я.А. Лазаревым. Автор показал, что концепция национального государственного строительства Украины, якобы прекращённого Петром, несостоятельна, поскольку в украинской историографии игнорировался значительный корпус источников, а многие оценки были предвзяты. Вместе с тем отсутствие специальных источниковедческих исследований в российской науке также способствовало появлению этого мифа.

Символично, что данный раздел завершается статьёй об образе Романовых, который, по мнению Р. Гашпара, мог бы стать объединяющим символом новой России. Однако автор признаёт, что это едва ли возможно, ведь само имя династии стало всего лишь ходовым торговым брендом, а серьёзные исторические исследования наследия Романовых, избежавшие от воздействия идеологии, сейчас невозможны по политическим причинам.

В последнем разделе сборника, посвящённом истории культуры, представлены материалы о живописи, литературе, искусстве и менталитете. В статье О.В. Бутковой содержатся убедительные доказательства того, что даже самые далёкие от политики культурные феномены (например, сказки) в советское время не могли существовать

без одобрения и влияния идеологии. Последняя рассматривала всё «чуждое», иррациональное как пережиток буржуазной культуры, противоречащий марксистским догматам. Интересное и необычное исследование провёл М. Ур, сравнивший литературу и музыку на примере повести Л.Н. Толстого «Крейцера соната» и одноимённого произведения Людвиг ван Бетховена. Автор полагает, что Толстой осознанно использовал «конфликт между текстом и музыкой как символ кризиса современности». О роли культуры в сложную эпоху революций в России рассуждает Д.И. Охотников. Что значило и сколь много стоило слово поэта в то время? Автор даёт ответы на данные вопросы на примере поэта Александра Блока, который, подобно другим деятелям искусства, не остался в стороне от происходящего, ограничившись ролью лирика. Сотрудничая с Советами, Блок оказался пророком, найдя достаточно выразительных средств для изображения предвещаемого им будущего. При этом в силу поэтической одарённости он не был способен избавиться от искажения эпохи, в которое искренне уверовал.

Итальянская исследовательница М. Моравито представила свои размышления о том, какое положение занимает Россия между Западом и Востоком. Для выяснения этого вопроса она обратилась к роману Фёдора Соллогуба «Мелкий бес», где писатель, обращаясь к греческой мифологии, отрицает связь России как с Западом, так и с Востоком. Любопытно, что, по мнению Моравито, отдельные идеи романа схожи с концепцией «жёлтой опасности», согласно которой Европе следует опасаться экспансии азиатов.

О сложных путях развития русской культуры (прежде всего литературы) в XX в. пишет Н. Цегельник. Разбирая и анализируя «Повесть о Сонечке» Марины Цветаевой, она приходит к двум неожиданным выводам. Во-первых, Цветаева выступила продолжательницей сентиментализма, родоначальником которого являлся Н.М. Карамзин, а во-вторых, добилась творческой оригинальности благодаря обращению к атмосфере ранних произведений Ф.М. Достоевского. Интересный ракурс для изучения взяла Е.В. Охотникова, поставившая задачу

выяснить особенности бытования модерна в России на рубеже XIX–XX вв. Любопытно, что в том виде, в котором существовал, он не мог выйти за хронологические границы начала XX в., поэтому после крушения империи сразу стал врагом советской культуры. Ассоциировавшийся с буржуазным прошлым и псевдоэлитарной принадлежностью, модерн не мог влиться в новую культуру, поставившую целью преодолеть искусство прошлого. Удивительным образом он вернулся в Россию на рубеже XX–XXI вв., что, как полагает Охотникова, связано с появлением тенденции к имперскому созиданию.

М. Пупе рассказывает о влиянии на политику выставки живописи эпохи модерна, прошедшей в 1979 г. во Франции и в 1981 г. в Москве. Подготавливая её, французское правительство желало показать благожелательное отношение к СССР. Диалог между организаторами экспозиции с французской и советской стороны носил во многом политический характер. Произведения ряда художников подверглись исключению из выставочного листа, поскольку их авторы были связаны с запретными страницами истории СССР. И всё же эта выставка стала важной вехой в советско-французских отношениях, а публика в Москве смогла впервые увидеть работы К.С. Малевича, В.В. Кандинского и др.

Завершая сборник две сугубо культурологические статьи: О. Киш о постмодернистской природе карнавала и А.В. Ланских о национальных стереотипах в коммуникативном поведении современной российской молодёжи, испытывающей внутренний конфликт традиционных поведенческих сценариев с современными, для которых характерен эгоцентризм и погоня за материальными благами.

Обилие различных исследовательских тем и широкая вариативность мнений и подходов, свобода в суждениях, опирающихся на подчас неожиданные, в том числе и малоизвестные источники, полнее всего отражает дух молодёжной конференции, полной, по словам главного редактора сборника Дюлы Свака, «юношеского задора, весёлого настроения, всепоглощающего дискуссионного настроения».